

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

| Поэтика изобретения |

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

Россия, Санкт-Петербург.
 Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии. Научный сотрудник.
 Санкт-Петербургский Государственный Университет технологии и дизайна.
 Кафедра истории и теории дизайна и медиакоммуникаций.
 Кандидат философских наук. Старший преподаватель.

Russia, St. Petersburg.
 St. Petersburg branch of the Russian Institute of Cultural Research. Researcher.
 Saint-Petersburg State University of Technology and Design.
 Institute of Business Communication. PhD, Senior lecturer.

michail.stepanov@gmail.com

ПОЭТИКА ИЗОБРЕТЕНИЯ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ МИШЕЛЯ ДЕ СЕРТО «ИЗОБРЕТЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

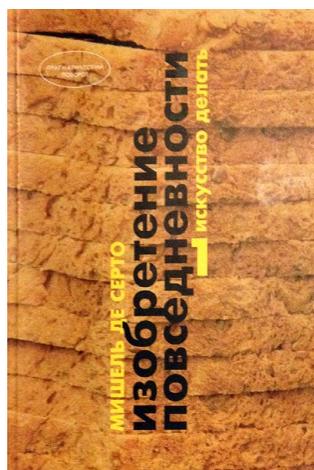
В статье рассматривается книга Мишеля де Серто «Изобретение повседневности» в контексте современной теории медиа и практик тактических медиа. Рецензируемая книга оказала большое влияние на возникновение такой художественно-политической практики как тактические медиа, которые расширяют проблематику медиаактивизма и условий потребления культурного продукта, выступают практическим приложением и двигателем теорий медиа, ориентирующихся на прагматическое понимание. Автор проводит генеалогическое исследование тактических медиа и утверждает актуальность идей де Серто в отношении к их современному состоянию и практик сопротивления в целом.

Ключевые слова: Мишель де Серто, практики, стратегии и тактики, изобретение, сопротивление, тактические медиа, аналитика повседневности

Poetics of Invention

The article discusses the book by Michel de Certeau, entitled "The Practice of Everyday Life" in the context of contemporary media theory and practices of tactical media. The reviewed book has had a great influence on the occurrence of such artistic and political practices as tactical media. Tactical media and similar practices expand the perspective of Media activism and the conditions of consumption of cultural products, which are the practical application of media theories oriented toward a pragmatic understanding of the media as a practice. The author develops genealogical research-related tactical media and approves the relevance of de Certeau's ideas in relation to their current state and the practices of resistance, in general.

Key words: Michel de Certeau, practices, strategies and tactics, invention, resistance, tactical media, analysis of everyday life

Одна из самых известных и влиятельных книг французского историка и антрополога Мишеля де Серто «Изобретение повседневности». 1. Искусство делать» впервые целиком издана на русском языке. Это, действительно, событие, так как за более чем тридцатилетнее существование (первое французское издание 1980 года) книга стала классикой, а предложенные идеи — одним из важнейших направлений современной методологии ис-

следований культуры. Теперь и русскоязычный читатель может обратиться к первоисточнику исследований повседневных практик и обыденной жизни, то есть всего того, что окружает человека и зачастую выпадает из зоны рефлексии.

История исследовательского проекта, получившего название «Изобретение повседневности», подробно раскрывается в предисловии Люс Жирар «История одного исследования». Мишель Де Серто, совместно с коллективом единомышленников планировал издать четыре книги под одним названием, вышли же в свет лишь две первые. Максимой всего проекта стало утверждение активного творческого характера анонимных действий пользователей, вырастающих из разлома устоявшихся структур потребления культурной продукции и реальных практик использования этой продукции.

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

| Поэтика изобретения |

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть «Изобретение повседневности» в контексте настоящего, того, как этот текст оказал влияние на современные практики и исследования медиа.

Предмет исследований книги де Серто — способы действий, которые всякий раз изобретаются и переизобретаются с целью присвоить пространство и выйти за пределы заданных способов потребления: «Пользователи, задействуя господствующую культурную экономику и находясь внутри нее, «производят» (bricolent) бесчисленные и мельчайшие изменения ее закона, исходя из своих собственных интересов и правил. Мы должны определить процедуры, основания, следствия и возможности этой муравьиной деятельности»¹. Мишель де Серто показывает, как в жестких рамках стратегий «сильных» обладающих властью и ресурсами к производству, устанавливающих условия и правила поведения и потребления; возможны тактики сопротивления «слабых». Слабый имеет возможность победить сильного, задействовав смекалку — свое главное оружие, включающую непредсказуемые ловкие проделки, искусство делать ходы, хитрости охотников и т. п. паразитарные практики, использование подручного, локального, рекомбинации и импровизации с уже имеющимся арсеналом сильных. Для этого необходимо видеть другими глазами привычное и изобретать многообразие временных форм вмешательства в существующий порядок, что, конечно, не гарантирует мгновенного изменения условий жизни, но в любом случае служит адаптации к ситуации гнета «сильных». Это позволяет увидеть, что послушные потребители, — являясь «слабыми», то есть не имеющими ресурсов производить и прямо сопротивляться власти «сильных», — отнюдь не пассивно следуют правилам, заданным производителями, а способны к творческим активным действиям, процедурам и уловкам, благодаря которым они способны извлекать выгоду и побеждать «сильного» производителя, образуя сеть «антиподчинения»².

Потребители или пользователи, «поэты повседневных дел»³, действуют как производители, неосознанно двигаясь по пространству, организованному и контролирующему властью и используют уже установленный вокабуляр. Это «другое производство, определяемое как «потребление»: оно изворотливо, рассредоточено, но проникает повсюду, молчаливое и почти невидимое, поскольку заявляет о себе не посредством собственной продукции, а через *способы использования* той продукции, которая навязывается господствующим экономическим порядком»⁴.

Поэтика изобретения Мишеля де Серто стала востребована в ситуации «Европа после 1989 года», когда рушились политические режимы и перестраивались экономические порядки, но также разразился взрыв хаотичных исследований медиально, послужила детонатором появления «тактических медиа». Это явление выступает практическим приложением и двигателем теории медиа, ориентирующихся на прагматическое

понимание медиа как определенных практик, бесчисленных, разнообразных и неорганизованных, но паразитарно вырастающих на «сильных» медиа и предписанных способах действия, отражая репрессивные аспекты современного общества. Тактические медиа расширяют проблематику медиаактивизма и условий потребления медийного продукта, а именно того как собственно происходит потребление культурных продуктов.

Указывая на ускользяемость и темпоральность повседневных практик де Серто отмечает, что они, эти «траектории, образующие непредсказуемые фразы», не поддаются статистическим исследованиям, которые «схватывают лишь материал этих практик, а не их форму; они определяют используемые элементы, а не фразу, возникающую благодаря бриколажу, «ремесленнической» изобретательности, дискурсивности, соединяющей эти «общеупотребительные» и совершенно заурядные элементы»⁵. Это различие между элементами, принятыми в обществе и системе, при которой они используются, имеет решающее значение для изучения тактических медиа. В своей работе философ указывает на то, что можно легко использовать эти социальные элементы творчески, чтобы они выпадали из системы, и подрывали ее всевластие.

Как только было сделано это замечание, де Серто провел различие между тактиками и стратегиями⁶, называя стратегией «расчет отношений сил (или манипулирование ими)», включающее утверждение собственного места, обладание которым позволяет проводить управление отношениями с внешним пространством. До сих пор «по этой стратегической модели конструируется политическая, экономическая и научная рациональность»⁷.

Тактика же — это расчет, который не может опираться на «собственное» пространство, «тактика не имеет другого места, кроме места другого», она зависит от времени, она всегда готова схватить кайрос — благоприятный случай. «Тактика это рассчитываемое действие, определяемое отсутствием собственного места. В этом случае не происходит отграничение внешнего пространства, обеспечивающего условие автономности [...] она не имеет средств существовать сама по себе»⁸. Благодаря этому недостатку места, тактика зависит от времени, она зависит от необходимости быть постоянно на взводе для ловли возможностей. «Собственное» — это победа места над временем»⁹.

Центральная идея книги — различие стратегий и тактик, в приложении к средствам массовых информационных и медиа создала новый тип творческой активности, выходящий за рамки, за границы.

Собственно сам термин «тактические медиа» возник в 1990-х, им обозначен феномен активистских форм взаимодействия с медиа, представляющих собой формы социальной интеракции и мобилизации, которые основаны на мгновенных сообщениях, подключении к каналам ТВ, эфире альтернативных «пиратских» радиостанций, или говоря иначе — медиальное освоение публичной сферы. Термин возник из трансформации

¹ Серто М. де Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. де Серто / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 42–43.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 107.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Там же. С. 49.

⁶ Там же. С. 107–113.

⁷ Там же. С. 50.

⁸ Там же. С. 110.

⁹ Там же. С. 50. С. 109.

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

| Поэтика изобретения |

первоначального «tactical television», первой конференции Next Five Minutes (N5M) в Амстердаме 1993 года. Всего состоялось четыре фестиваля в 1993, 1996, 1999 и 2003 году, представлявших собой временное объединение, коалицию отдельных лиц и учреждений, которые собрались вместе, чтобы провести фестиваль, но не объединяться в стабильную организацию. Манифест «Азбука тактических медиа»¹⁰ Герта Ловинка и Дэвида Гарсиа, провозгласивших термин тактические медиа, восходит ко второму фестивалю N5M 1996 года. Для них это «do it yourself» (сделай сам) практики медиа лиц и групп, исключенных из широкой культуры и ущемленных ею.

В 2001 году группа американских художников Critical Art Ensemble (CAE) издала книгу Digital Resistance: Explorations in Tactical Media¹¹, утверждая тактические медиа как «политизированную междисциплинарную практику», которая не сводится только к «цифровым» технологиям, а принципиально трансверсальна и гетерогенна, представляет собой любые формы присвоения — копирование, рекомбинацию и репрезентацию на любом носителе, любой формы знания или визуальной продукции и предлагает новый способ видения и понимания. Но прежде всего это любительская практика (amateur practice), так как «любитель» способен выйти за заданные профессиональные и институциональные рамки и видеть сквозь доминантные парадигмы, свободно комбинировать ее элементы и вступать в разнообразные формы сотрудничества.

Практика тактических медиа очень широка — от социальной мобилизации и акций против глобальных организаций (G8, G20, WTO) и корпораций (McDonald's, Shell, Nestle, Lufthansa, Nike, Disney, Microsoft, Pepsi, Glaxo и т. д.) до хакерских «сливов» конфиденциальной и секретной информации корпоративных и политических элит мира, — они охватывают широкий спектр оппозиционных практик. Тактические медиа возникают как критическая деятельность против неолиберальной глобализации в условиях постиндустриализации и развития цифровых технологий. Появление тактических медиа во многом стало возможным благодаря развитию дешевых и открытых к распространению технологий коммуникаций, таких как кабельное телевидение, видеокамеры, мобильная связь и интернет, которые позволяют привлечь внимание к проблеме, быть в курсе локальных событий из первых уст, и дают чувство солидарности и участия.

Для тактических медиа центральным является виртуозность и непредсказуемость¹², как показывает современная исследовательница медиаактивизма Рита Рэли со ссылкой на Пауло Вирно. Под тактическими медиа сегодня понимают творческие практики изобретения медиа подрывов и критики доминирующих политических порядков посредством новейших технологий.

Все тактики стремятся к тому, чтобы заново присваивать себе производственную систему, они асимметричны по отно-

шению к стратегиям, направлены на «терапию пришедших в негодность социальных отношений» и задействует техники повторного использования¹³. Тактики моделируют актуальные формы сопротивления и инакомыслия, дабы изнутри подорвать систему контроля «сильных» над «слабыми».

Концепция тактик де Серто прекрасно объясняет, почему большинство групп тактических медиа эффективны, только находясь в постоянном движении и трансформации. Если «стратегии делают ставку на сопротивление, оказываемое эрозии времени учреждением места», то «тактики — на искусное использование времени, удобных случаев, которое предоставляет время, а также на игру, которую оно вводит в основание власти»¹⁴. Это деятельность, которая находит удовлетворение в себе и не ориентирована на какой-то конечный результат, окончательную победу, или идентификацию продукта. Успешно проведенная акция определенной группы не может застыть в совершенстве и воспроизводиться вновь и вновь, также как и найденный медиум тактики. Конечная цель тактических медиа состоит не в замене определенных средств массовой информации альтернативными медиа, а в том, чтобы каждый раз находить новый медиум, проводить новую акцию. Тактические медиа никогда не достигнут состояния совершенства, они постоянно меняются, меняют конфигурацию и ускользают, потому что их задача — постоянно ставить под сомнение систему, при которой они функционируют и которая постоянно хочет их экспроприировать.

Тактические медиа, оказываясь локальным представителем конкретной области, как правило, также присутствуют на глобальном уровне, благодаря тому, что лишены места и чаще всего использует сетевые пространства Интернета, хотя и действуют в физическом пространстве. Виртуальный характер занимаемого ими места позволяет деструктурировать иерархии власти, против которых они борются, атаковать в виртуальных пространствах и оккупировать публичные поля, без того чтобы нападать на физическом уровне. Этот важный элемент отличает тактические медиа, возникшие под влиянием де Серто, от практик 1960–70-х, нацеленных на физический захват пространства, установление собственного медиа, стремление к институализации.

Убедительный анализ практик чтения — «непомерно разросшуюся сферу современной культуры и ее потребления: это чтение от телевидения до газеты, от рекламы до всех ипостасей рынка»¹⁵ и их социальных последствий проведенный де Серто в представленной книге делает своевременный и столь необходимый вклад в напряженные дебаты о политическом активизме, медиаактивизме, современном искусстве, цифровых технологиях в аспекте биополитики. «Чтение — это лишь один, но наиболее фундаментальный аспект потребления. В обществе, которое становится все более и более письменным, в основании которого лежит власть менять вещи и преобразовывать структуры исходя из моделей письма (научных, экономических, политических), которое постепенно превращается в многоаспектные «тексты» (административные, урбанисти-

¹⁰ <http://www.nettime.org/Lists-Archives/nettime-l-9705/msg00096.html>

¹¹ Critical Art Ensemble, Digital Resistance: Explorations in Tactical Media. New York: Autonomedia, 2001. p. 6–9.

¹² Raley R. Tactical Media / R. Raley / Minneapolis: University of Minnesota Press 2009. P. 29.

¹³ Серто М. де С. 57.

¹⁴ Там же. С. 113.

¹⁵ Там же. С. 52–54. Более подробно «гипертрофия чтения» разбирается в главе XII. Чтение: браконьерство. С. 279–295.

СТЕПАНОВ Михаил Александрович / Michael STEPANOV

| Поэтика изобретения |

ческие, индустриальные), пару «производство-потребление» можно нередко заменить ее эквивалентом и основным выразителем — парой «письмо-чтение»¹⁶. «Чтение», это молчаливое и бесцеремонное сотворчество текста, противопоставлено «письму», которое принадлежит стратегиям власти, пишущей на телах.

После того, как тактические медиа достигли своих предельных возможностей (на данном этапе развития) в качестве медиа сопротивления в области средств массовой коммуникации, происходит смещение интереса к критическому подрыву в биополитических областях таких, как прекарный труд, технологии безопасности, миграционная политика и предоставление убежища, здравоохранение, гендерное и расовое профилирование, генная инженерия, клеточные исследования, производство продуктов питания и биофармацевтических препаратов, и многие другие.

В этом биополитическом контексте продолжает разрабатываться поставленная де Серто «проблема статуса индивида в технических системах»: поскольку участие субъекта уменьшается по мере технократического расширения всевозможных систем, индивид «не будучи способным выйти за их пределы, ему остается только хитрить с ними, «продельвать с ними шутки», открывать в электронизированном и компьютеризированном мегаполисе «искусство» охотников и сельских жителей прошлых времен. Атомизация социальной ткани придает сегодня вопросу о субъекте политическую актуальность»¹⁷.

Именно так перманентно формирующиеся жесткие стратегии непрерывности гегемонии знания, служащего стабильности биополитических режимов, могут быть подорваны изобретательными тактиками совместных действий художников и ученых из разных областей знания. В этом заключается задача нового витка сопротивления слабых сильным — развивать

сети сотрудничества в различных дисциплинах, учреждениях и экономических структурах, что должно привести к разрыву непрерывности знания «сильных», регламентирующего потребление «слабых».

Движение «тактических медиа» в целом начало растворяться, так как все более успешные акции сегодня консервируются в новых политических практиках, стойко идентифицируются и воспроизводятся. С одной стороны, технология производства стала еще более доступной, как с точки зрения цены, так и простоты в использовании: появились коммерческие хостинговые компании для блогов и видео, социальные сети и мобильные сервисы, все это вывело активистскую деятельность на высоко-профессиональный уровень. С другой стороны, одновременно происходит коммерческое поглощение инфраструктур и вторжение государства в зону свободного обмена информацией, что сужает возможности активности и, напротив, развязывает руки цензуре и «эффективному» управлению медиа-контентом, не говоря уже об антипиратских законах и законах контроля Интернета. Таким образом, возможность производства автономных средств массовой информации становится все более проблематичной.

Первой строчкой вступления к книге Мишель де Серто пишет: «Исследование, частично представленное в этих двух томах, родилось из изучения *действий пользователей*, тех, кого обычно считают обреченными на пассивность и подчинение. Речь идет не столько о том, чтобы рассмотреть столь трудно-уловимый и в тоже время основополагающий предмет, сколько — чтобы сделать возможным само его рассмотрение, то есть [...] указать возможные пути анализа, который предстоит осуществить в будущем»¹⁸. Эта задача остается актуальной, ибо «искусство делать» — эта поэтика изобретения, дающая разнообразие тактик, не имеет своего собственного места, она следует времени и должна быть продолжена.

¹⁶ Там же. С. 282–283.¹⁷ Там же. С. 57.¹⁸ Там же. С. 39.